

В этом рассказе Шевырева не последнее место занимает ссылка на «старых мастеров». Кого именно здесь имеет в виду Шевырев — не является секретом. Один из них — Державин. В «Послании к Пушкину» имя Державина прямо называется. Говоря о современном языке поэзии, Шевырев восклицает:

Что, если б встал Державин из могилы,
Какую б он наслал ему грозу!

Державин, язык Державина, высокий, мужественный и свободный, и есть положительная программа Шевырева. И не одного его, но и большинства других поэтов философского направления.

Стремление к обновлению и освежению языка поэзии, стремление, порожденное идеей создать поэзию мысли, с известной внутренней необходимостью вызывает интерес к Державину, новое обращение к его творчеству и его поэтике. Для поэтов философской школы Державин оказывается во многих отношениях близким. Прежде всего потому, что он воспринимался поэтическим сознанием 20-х годов как поэт-философ, и значит, для любомудров был прямой их предшественник. Вяземский, имея в виду стихотворения Державина «К Скопину», «Мужество», «Ко второму соседу» и некоторые другие, писал: «По ним Державин не был бы первым нашим лириком, но всегда был бы мыслящим поэтом и поэтом-философом. Его стихотворения, точно как Горациевы, могут при случае заменить записки его века».¹² Признание весьма показательное, тем более что оно исходит совсем не из лагеря любомудров. Во времена любомудров Державин был широко признан как поэт-философ, и это только дополнительно укрепляло любомудров в их «державинской вере».

Конечно, собственно философия Державина не была ни достаточно глубокой, ни достаточно оригинальной. Но в его поэзии было стремление к обобщенной философской мысли, и этого было довольно, чтобы признать его «мыслящим поэтом». Для этого у него было и еще одно важное основание. В своей поэзии он не только стремился к мысли, но и выработал формы стиха и языка, способные выражать эти мысли. Белинский в статье «Литературные мечтания», в статье начала 30-х годов, где он особенно восторженно говорит о Державине (факт сам по себе показательный, как свидетельство общего тогда положительного интереса к державинскому наследию),

¹² П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 35 (разрядка моя, — Е. М.).